

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Я люблю тебя, жизнь

Я пришел навестить ее, как и обычно, около четырех часов. К этому времени Таня уже успевала заканчивать свой обед; буйство ее случалось ближе к ночи, а вечер был местом покоя. Она лежала на кровати, со спутанными волосами, с текущей слюней из рта и отсутствующим взглядом. Окружающее, казалось, ее вовсе не беспокоило. Я сел рядом и начал осторожно гладить ее волосы. В какой глубине она находилась, в каком аду фантазий? И какие бесы мучают ее воспаленное сознание? Иногда слеза протекала по ее щеке, и я ловил очертания слов на губах: «все будет хорошо». Так я ей говорил раньше, не желая понимать того, что она пыталась мне сказать. Теперь мне хотелось плакать, но я вполне свыкся со своей судьбой, и видел свое предназначение в нашей дочери. Я читаю ей вслух то, что не успел прочитать сам. Иногда я представляю, какими счастливыми были бы наши дни, но вовремя гоню от себя вредную иллюзию. Она сама мне говорила, что нет ни счастья, ни покоя, а скучаем мы обычно по тому, чего никогда не случается и случиться не может.

Солнечный, прелестный день казался бесконечным. Мне дали повышение в НИИ, и мы с Таней поехали на юг. Я просыпался от яркого света, пробивающегося сквозь покрытое разводами окно. Она всегда вставала раньше меня; вот и сегодня рядом с постелью стоял простой завтрак, а Таня сидела у письменного стола, погруженная в тексты. Она была филологом в каком-то безвестном сегодня институте. Я же — прирожденным технарем, обласканным советской властью, верящим в светлое будущее человечества. Мои рассуждения на эту тему, впрочем, всегда вызывали у нее какое-то дикое отвращение и презрение, что меня пугало, и я спешил сменить тему. — Ты проснулся — она виновато улыбнулась и сдвинула тетради в сторону. — Спасибо за завтрак, милая. Скажи, откуда грусть? Осмотрись! Разве не чудесно, что мы здесь? Разве не чудесно, что мы живем? — «Я люблю тебя, жизнь»? — она улыбнулась

В этих улыбках я замечал какое-то, чуть ли не доброжелательное, еле заметное, презрение, почему-то напоминавшее мне о матери. Я подошел к ней и обнял. Ее губы были нежными и влажными. Таня чуть прикрывала глаза. Встав со стула, она крепко взяла меня за голову и вновь впилась в губы. Теперь, вспоминая это, я чувствую жест отчаянья. Тогда — думал, что это любовь. Я почувствовал желание, она еле слышно застонала. Я бросил ее на кровать, начал раздевать, ласкать губами соски, шею, живот, покрывать все ее прекрасное тело поцелуями. Она вывернулась от моих ласок и села сверху. В ее глазах я видел что-то почти демоническое и глубокое. Я пытался поймать губами ее соски и сдавленно стонал. В пике оргазма она схватила меня за горло, а потом — легла, прижавшись всем телом, и, содрогаясь в затухающей конвульсии, нежно поцеловала.

Мы у моих родителей в деревне. Уже вечер, а ее нет рядом. Я хотел спуститься вниз, как вдруг услышал жуткий вой. Второпях одевшись, я пробежал по большим ступеням в хлев. Она стояла вся в крови, с безумными глазами, громко произнося что-то, похожее на заклинание, на неизвестном мне языке. В руках — отрезанная голова козла. Я оцепенел, а она посмотрела мне прямо в глаза тем взглядом, который я никогда не замечал, точнее, не хотел замечать. Я судорожно искал решения, происходящее было диким и не влезало в голову. На крик прибежала мать. Она не сказала ни слова и вытолкала меня из хлева. Утром мы пили квас и ели соленую рыбу. Таня смеялась и разговаривала, будто ни в чем не бывало, с моей матерью.

Я собирался было что-то сказать, но она почти незаметно покачала головой.

Как многого — теперь я думаю об этом — мы не замечаем? Ровно то, что остается в тени? За нашей грубой сеткой языка, за нашим благочестием, всегда стоял страх перед чем-то, что мы пытались избежать? Таня говорила мне, что избегать этого еще глупее, чем пытаться об этом говорить. Я помню, как у сестры вдруг начал расти живот, и как наши обсуждения моего (подающий надежды мальчик, победитель всесоюзной олимпиады) будущего становились как будто тусклее. Будто никто и не верил в то, что говорил, всерьез, будто и не было никакого света, который мог бы пронзить тьму. Она сделала аборт у знакомой матери, и все, что напоминало мне об этом, были ее всхлипывания. Отец, заходя в комнату пожелать нам спокойной ночи, отводил глаза. Теперь, проходя по длинным ходам подземных переходов, я вижу, как люди отводят глаза от инвалидов, клянчащих мелочь. Некоторые, все так же отводя глаза, пусть даже и смотря на них, кидают деньги. Я вспоминаю слова своей любимой: «Баал думает откупиться от Нее деньгами». Как будто мелочь поможет нам никогда не видеть голодных, измученных и униженных. Как будто поддерживает наш островок науки, речей президента, акций и диванов, которыми заставлены дома. Тогда я повторял себе слова Хрущева, который обещал коммунизм.

Распад Союза для меня был закономерным. Я верил тому, что говорили знакомые. Я устал от лжи и хотел спокойно работать. Друг детства свел меня с Ракитовым. Я узнал о новых вещах, о новых идеях, узнал будоражащую правду. Когда я, теперь уже понимаю, с видом неопита, с безумием в глазах, сказал об этом Тане, она начала смеяться. Громко, раскатисто. В ее глазах вновь появился тот блеск. Позже я подумал: так люди из СС смотрели на свой народ. Она ударила меня по щеке. Снова засмеялась. Оцепенение вновь держало меня. Она избивала меня и срывала с меня одежду лохмотьями, похожими на куски мертвой кожи, которую можно содрать с трупа. Ее рука оказалась у меня на члене, а губы впились в мои. Таня повалила меня на кровать и кончила несколько раз, хватая за горло и матерясь. Отдышавшись, я понял, что она ушла в душ. Этот случай мы не обсуждали никогда, но часто в своих фантазиях я повторял его.

Я шел по набережной. Молодые люди пили пиво, плевались и смеялись. В глубине города танки стреляли по Белому дому. Казалось, запах гари доносится и до нас. Это, конечно, было не так. Я чувствовал запах свободы. Девушку рвало прямо в реку. Приличные люди, проходя мимо, покачивали головами, но не возражали. Свобода требует жертв.

Нищий заработал тогда много денег. Они чувствовали долг. Чувствовали, что должны от Нее откупаться.

Моя соседка помогала мне с дочкой. Выражала сочувствие по поводу жены. Делала за меня покупки. Она помогала мне чувствовать долг перед ней. Не помню, когда мы переспали. Ее губы были сухими, движения — механическими. Она считала себя вправе брать свое. Украшения, одежду, машину. Иногда я вглядывался в ее глаза и видел в них голод. Дочь, застав нас, надрывно плакала. Я нашел ее в окровавленной ванной с порезанными поперек венами. В ее руке был раскладной изогнутый нож, а в глазах — блеск.

Милиция нашла соседку в ужасном состоянии мертвой. Теперь ее глаза были действительно пустыми. Моя дочь была на реабилитации. Денег ни у кого не было, так что дело быстро ушло в «висяки». Следователь сказал, что склоняется к версии самоубийства. Это было для меня новостью, но мертвая рисовала. Весь ее шкаф был забит черновиками странной богини с когтями вместо ног.

Я лежу на кровати, и я не слышу всхлипываний своей дочери. По телевизору шел очередной сериал. Может быть, мы и опомнимся, и сквозь тощу тьмы пройдет луч? Если бы не эта глупая надежда, которую мне смешно даже себе озвучивать, я давно уже оставил бы свой бессмысленный бизнес, своих партнеров, свои книги. Я хожу к Тане не ради нее. Думаю, она меня даже не слышит. Я хожу к ней, чтобы